

Предисловие.

Тема третьей книги исследования «Русское мировоззрение» - «новые люди» как идея и явление. Приступая к ее раскрытию, сделаю некоторые предварительные замечания. Прежде всего, надо отметить, что в рассматриваемый период 40-х – 60-х годов XIX столетия, тема эта для русской гуманитарной философской и художественной мысли становится едва ли не центральной. Период отмены крепостного права многими думающими людьми нашего общества осознавался как начало новой истории России. Вчера еще половина российского общества была юридически несвободна, состояла из угнетателей и угнетенных, а буквально на следующий день эти люди начинают жить в новом, как тогда казалось, свободном состоянии. В этой парадигме для философии и художественного мышления был естественен вопрос: что собой представляет этот свободный, новый человек? Придет ли он из «старого мира» или должен быть сотворен заново, подобно ветхозаветному Адаму, но теперь уже не богом, а обстоятельствами, средой, внешними целенаправленными или собственными усилиями. Вот тут-то и возникал первый основополагающий вопрос. Кто может (имеет право) и из какого «материала» он намерен создавать «нового» человека? И еще более важное: кто «вдохнет» в него новую душу и что она собой будет представлять?

Впрочем, вопросы такого рода не слишком обременяли тех, кто ставил перед собой эту задачу, писателей прежде всего. Новое качество человека истолковывалось ими как в реально-актуальном, так и в вымышленно-проективном, просвещенческом и даже императивно-назидательном смысле. Вот почему понятие «новые люди» в равной мере корректно употреблять и как идеальные представления (например, Вера Павловна в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?» или князь Лев Николаевич Мышкин в романе «Идиот» Ф.М. Достоевского), и в контексте рассмотрения реальных образов героев рассказов, повестей и романов, например, Н.С. Лескова.

Как и в предыдущих частях исследования, нам придется иметь дело с двумя типами мировоззрения - крестьянина и помещика, все больше расходящимися из однородного целого, зафиксированного еще Пушкиным. Причиной этого была прежде всего более насыщенная в сравнении с XVIII веком культурная и общественная жизнь сельского дворянства, пережитые страной события, в том числе - война 1812 года и выступление декабристов¹. Сыграли свою роль и более активные контакты с Европой – военные походы, поездки на отдых, путешествия, длительное пребывание, привившийся обычай учить за границей детей². Все это развело мировоззрения крестьян и помещиков, разделило имевшуюся до этого целостность «земледелец» на две далеко отстоящие друг от друга ветви. Этому, безусловно, способствовали и результаты, достигаемые на путях развития европейской культуры, потребителем и участником становления которой оставалась наша страна.

С другой стороны, процессы медленной, но все же либерализации и повышения нравственного уровня российской жизни (ряд социальных реформ и, главная – свершившаяся 19 февраля 1861 года отмена крепостного права), способствовали как расширению сфер проявления национального самосознания, так и более активному становлению русского мировоззрения. Вот как об этом процессе писал выдающийся отечественный философ В.С. Соловьев: «По причинам историческим существовало у нас ...крепостное право. Согласно теории исключительно личной нравственности, нужно было

¹ Восстание декабристов не может рассматриваться только как «локальный» факт нашей истории, имевший ограниченное значение на сознание и жизнь русского общества в силу его неизвестности широким народным слоям. О действительном значении восстания точно свидетельствует, например, А.И. Герцен: «14 (26) декабря действительно открыло новую фазу нашего политического воспитания, и – что может показаться странным – причиной огромного влияния, которое приобрело это дело и которое сказалось на обществе больше, чем пропаганда, и больше, чем теории, было само восстание, геройское поведение заговорщиков на площади, на суде, в кандалах, перед лицом императора Николая, в сибирских рудниках. ...Теория внушает убеждения, пример определяет образ действий. ...Безусловно, немому бездействию был положен конец; с высоты своей виселицы эти люди пробудили душу у нового поколения; повязка спала с глаз». Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. В кн.: Эстетика. Критика. Проблемы культуры. М., Искусство, 1987, сс. 230 – 231.

² Надо отметить и то, что в середине XIX столетия стоимость заграничного паспорта для подданных Российской империи была снижена с 500 до 50 рублей.

ждать, пока все помещики достигнут идеала святости и сделаются благодетелями своих крестьян, а это на деле равнялось бы увековечению крепостного права. По счастью, этот мнимо русский, а на самом деле всемирно-фарисейский идеал личной святости еще не получил у нас преобладания; сначала лучшие люди, потом значительное большинство образованного общества и само правительство взглянули на дело просто, по-человечески. Они *пожалели* миллионы людей, страдающих от несправедливости, и захотели им действительно *помочь*. Зная, что это зло общественное, основанное на дурном законе, противопоставляли ему не личную мораль, к делу не относящуюся, а прямые меры к его уничтожению: писатели разъяснили обществу несправедливость старого порядка, а правительство подготовляло и совершило его законодательное упразднение».³

Вместе с тем, в рассматриваемый период 40-х – 60-х годов в ряду субъектов русского мировоззрения появляются и новые, далекие от земледелия, типы. Обобщающим для них именем может быть термин «городской человек», что отражает, во-первых, их оторванность от природной среды, связь с которой всегда рассматривалась как одна из важнейших особенностей русского мировоззрения, и, во-вторых, как правило, отсутствие у них личной родовой истории, что отличало земледельцев-помещиков или крестьян, наследовавших историю, традиции и обычаи своей фамилии или сообщества. Впрочем, если у «городского человека» и не было собственной истории, то была собственная родина – построенный Петром I на топком месте и крестьянских костях Санкт-Петербург, город без истории, населенный так же лишенными глубинных корней жителями. В особенности отчетливо новые городские субъекты мировоззрения – разного рода разночинцы – представлены в произведениях Ф.М. Достоевского. Для характеристики обобщенного именованного их отношения к самим себе и к миру автор «Преступления и наказания» даже придумал специальный термин

³ Соловьев В.С. Сочинения в двух томах. М., Правда, 1989. Т. 2, с. 292.

«подпольный» человек, а открытие этого феномена ставил себе в особую заслугу.

Активному включению России в европейский культурный контекст в отличие от предшествующего периода способствовала и новая российская философская мысль. Европейское образование русских мыслителей, их жизнь, проходившая зачастую не только в России, но и в Европе, делали их «русскими европейцами». В полной мере это относится к главным философским фигурам этого периода – А.И. Герцену, Н.П. Огареву, П.Л. Лаврову, Н.К. Михайловскому и П.Н. Ткачеву. Благодаря их творчеству русская литературная классика получила дополнительную интеллектуальную подпитку, недостаточно активную прежде сторону диалога, возможность содержательного интеллектуального взаимодействия. Конечно, многие сюжеты и идеи в русской литературной классике возникали и осмысливались благодаря развитию собственно российских социально-политических и духовно-нравственных процессов. Но влияние бурного европейского буржуазного развития, в том числе, революционных катаклизмов конца 40-х годов, также сыграло важную роль.

Выполняя поставленные в исследовании задачи, следует ответить и на очевидно возникающий у внимательного читателя вопрос: неужели за прошедшие полтора столетия после создания исследуемых произведений ни у кого из ученых, сделавших предметом своего рассмотрения русскую философствующую классику, не возникали предлагаемые автором мысли, никем не избирался похожий ракурс анализа проблем? Верным ответом мне представляется – и да, и нет. И если «да» понятно в том смысле, что отдельные попытки в исследованиях более специального характера встречаются, то касательно «нет» сошлюсь на наблюдение Ю.М. Лотмана. Каждому новому этапу развития культуры, полагал он, свойственно увидеть казалось бы давно изученные художественные тексты как «новое лицо». При этом новые исследователи часто изумлялись «слепоте» своих предшественников и не задумывались о том, что скажут о них самих те, кто придет вслед за ними.

«Между тем эта поразительная способность художественных текстов давать материал для все новых открытий должна была бы привлечь внимание...»⁴ Вот эта «поразительная способность художественных текстов» в каждую эпоху видеться по-новому и делает возможной для всякого поколения читателей найти в классике нечто новое, пропускаемое прежде.

Впрочем, данное замечание о значимости читаемого не единственное. В истории русской мысли есть точка зрения, согласно которой за русской литературой... полностью отрицаются ее мировоззренческие функции. Речь идет о широко известной позиции одного из ведущих писателей и публицистов первой волны русского зарубежья И.Л. Солоневича. Согласно ему, русская классика не только не способствует, но, наоборот, затрудняет или даже исключает постижение русского взгляда на мир и на самого человека. «Русскую «душу», утверждает автор «Народной монархии», никто не изучал по ее конкретным поступкам, делам и деяниям. Ее изучали лишь «по образам русской литературы». Однако «...всякая литература, в особенности большая литература, всегда является кривым зеркалом жизни. Ее интересует конфликт и только конфликт». Вся русская литература «дала миру изысканно кривое зеркало русской души. ...В русском примере эта кривизна переходит уже в какое-то четвертое измерение. Из русской реальности наша литература не отразила почти ничего. Отразила ли она идеалы русского народа? Или явилась результатом разброда нашего национального сознания? Или, сверх всего этого, Толстой выразил свою тоску по умирающим дворянским гнездам, Достоевский – свою эпилепсию, Чехов – свою чахотку и Горький – свою злобную и безграничную жажду денег, которую он смог кое-как удовлетворить только на самом склоне своей жизни, да и то за счет совзнаков?

⁴ Лотман М.Ю. Чему учатся люди. Статьи и заметки. М., Центр Книги Рудомино, 2010, с. 146.

Я не берусь ответить на этот вопрос. Но во всяком случае – русская литература отразила много слабостей России и не отразила ни одной из ее сильных сторон. Да и слабости-то были выдуманные»⁵.

В подтверждение своих слов Солоневич делает ряд литературных адресаций, отдельные из которых стоит привести для понимания направленности и содержания его аргументации. «Грибоедов писал свое «Горе от ума» сейчас после 1812 года. Миру и России он показал полковника Скалозуба, который «слова умного не выговорил сроду» - других типов из русской армии Грибоедов не нашел. А ведь он был почти современником Суворовых, Румянцевых и Потемкиных и совсем уж современником Кутузовых, Раевских и Ермоловых. Но со всех театральных подмостков России скалит свои зубы грибоедовский полковник – «золотой мешок и метит в генералы». А где же русская армия? Что – Скалозубы ликвидировали Наполеона и завоевали Кавказ? Или чеховские «лишние люди» строили Великий Сибирский путь? Или горьковские босяки – русскую промышленность? Или толстовский Каратаев крестьянскую кооперацию? Или, наконец, «мягкотелая» и «безвольная» русская интеллигенция – русскую социалистическую революцию?»⁶ И так далее в этом же духе и не один еще раз.

Думаю, что вытекающее из идеологической тенденциозности Солоневича, странно поверхностное для такого мыслителя (например, замечание о комедии Грибоедова), ложное и несправедливое заключение о русской литературе очевидно для любого непредвзятого читателя. В том числе, и в особенности, - совершенно ошибочная мысль о том, что литература «не отразила ни одной из сильных сторон» России, а изображаемые ею слабости «были выдуманные». Показать отраженные в русской литературе наши национальные «сильные» и «слабые» стороны – наряду с иными исследованиями, одна из задач

⁵ Солоневич И.Л. Народная монархия. М., издательство «Римис», 2005, сс. 147 – 153.

⁶ Там же, с. 153.

предпринимаемого мною. И эта задача, как я надеюсь, по мере его исполнения решается, что читатель не может не видеть.

В завершение еще одно замечание. Сложившаяся в России, начиная с советского периода и до настоящего времени традиция философского исследования русской философствующей литературы в существенной мере центром своего анализа делает творчество Л.Н. Толстого и в еще большей мере Ф.М. Достоевского, что формулируется в тезисе, согласно которому русская литература XIX столетия – это, прежде всего Достоевский и Толстой. К тому же, в отношении Ф.М. Достоевского этому способствует и разработанность в отечественной культуре прежде всего ее религиозной составляющей, ставшей основным содержанием русской философской мысли. Мысль эту, в частности, емко сформулировал Мережковский, сказавший, что автор «Преступления и наказания» был «предвозвестителем новой религии – воистину был пророком»⁷. Не слишком далеки от этого религиозно-философского направления и всесторонне разработанные гуманитариями религиозно-нравственные искания Л.Н. Толстого. И хотя они лежат в стороне от магистрали официального православия, но обнаруживаются у Толстого в религиозности особого рода – «народопоклонстве».

Понимая основания сложившегося у нас «центризма» в связи с Достоевским и Толстым, хотел бы отметить следующее. В предпринимаемом исследовании я менее всего хотел бы обращаться вновь к этой традиционной схеме. Признавая значимость поднятых Толстым и Достоевским проблем, я все же намечаю цель показать, что в русской философствующей литературе есть множество иных, не менее, а, напротив, более важных вопросов, содержательных смыслов и магистральных тем. Конечно, обращение к ним разрушает сложившуюся на сегодня в гуманитарной мысли «иерархию». Однако объективное исследование заставляет признать, что мировоззренческие системы Пушкина, Гоголя, Тургенева, Гончаров и Лескова

⁷ Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., Наука, 2000, с. 153.

с точки зрения философии не менее значимы, чем нравственно-религиозные размышления Достоевского и Толстого. Наполняющие их произведения смыслы и ценности как сами по себе, так и в своем развитии от одного философствующего классика к другому создают поистине гигантское исследовательское пространство. К примеру, тема «позитивного дела», рассмотренная мной во второй книге исследования, равно как и тема «нового» человека, которая сделана главным предметом анализа в настоящем томе, значима для самосознания современного читателя, возможно даже более, чем какой-либо иная из числа уже известных. В этом смысле, перефразируя известную политическую формулу, я предлагаю подумать о замене «двуполярного» понимания и изображения нашего литературно-философского мира - «многополярным».